

И всё же, когда пальцы Чэн Муюня коснулись дверной ручки, они заметно дрожали. Тот безумный финал в мини-игре оставил после себя слишком неприятный осадок.

Цинь Ли проявлял завидное терпение. С равными промежутками времени он трижды мягко стучал в дверь, словно был абсолютно уверен: Муюнь стоит прямо за ней.

Чэн Муюнь глубоко вздохнул, пытаясь унять предательский холодок в груди.

«Система, если Цинь Ли сейчас пырнёт меня ножом, это можно будет оформить как производственную травму?»

«Это назовут заслуженной карой, а не травмой, — отозвалась Система. — Если бы ты не играл с ним, как с куклой для переодевания, разве дело дошло бы до такого? Мой тебе совет: добей этот несчастный один процент прогресса и делай ноги. Это единственный путь к спасению»

Муюнь на мгновение задумался. В словах Системы была логика. Последний процент шкалы замер и никак не желал двигаться, а обещанный механизм автоматической коррекции сюжета явно не спешил на помощь.

«Значит, придётся и дальше придерживаться образа. Главное событие — похищение — ещё впереди. Нужно удержать текущие девяносто девять процентов любой ценой»

Чэн Муюнь сосредоточился, мгновенно входя в роль.

Он приоткрыл дверь, явив взору Цинь Ли лицо, на котором боролись сомнение и робкая надежда.

— Цинь Ли... зачем ты пришёл? Ты... ты прости меня?

Цинь Ли долго и пристально смотрел на него, не произнося ни слова. Наконец он переступил порог и молча сел на диван в гостиной.

«Живой. Не зарезал. Значит, надежда есть»

Муюнь облегчённо выдохнул, закрыл дверь и поспешил за ним, не выходя из образа:

— В тот день я не договорил... Прошлое осталось в прошлом. Сейчас в моём сердце только ты. Пожалуйста, не бросай меня.

«Ну же, оттолкни меня! Скажи, что я того не стою! Это же просто задетое самолюбие, Ли, очнись! Я же буквально вешаюсь на тебя, это должно тебя раздражать!»

— Хорошо, — коротко ответил Цинь Ли.

— Пожалуйста, не... Что? — Муюнь уже приготовился к долгой и утомительной сцене слёзных мольб, но ответ Цинь Ли заставил его запнуться на полуслове.

Юноша удивлённо моргнул, не веря своим ушам.

Губы Цинь Ли тронула едва заметная усмешка — это редкое, почти детское замешательство Муюня показалось ему очаровательным. Он протянул руку, рывком усадил ассистента к себе на колени и крепко обнял.

— Я сказал, что прощаю тебя. Давай начнём всё сначала.

Чэн Муюнь окончательно растерялся.

— Но... как? Как ты можешь меня простить после всего?

— Ты про то, что я был для тебя заменой? — Цинь Ли прижал его к себе ещё крепче. — В самом начале я ведь тоже видел в тебе лишь черты Сун Цзинчэня. Я использовал тебя, ты использовал меня. Это справедливо... и, возможно, это моё наказание. Я всё обдумал и понял, что для меня важнее всего.

«Что... что именно?»

Муюнь едва не вскрикнул вслух. В его голове билась лишь одна мысль:

«Важнее всего — моя шкала прогресса!»

— Оставим прошлое, — прошептал Цинь Ли. — Просто начнём заново.

Муюнь замер, не в силах пошевелиться. Он чувствовал, как Цинь Ли наклоняется к нему, как его губы накрывают его собственные... А затем президент просто повалился вместе с ним на подушки, не разжимая объятий.

— Подожди, сейчас не... — юноша попытался было отстраниться, приходя в себя, но услышал над ухом ровное, глубокое дыхание.

«Заснул? Прямо так?»

Он вспомнил ту нелепую игру и рассказ Лизы о бессонных ночах за написанием кода. Муюнь невольно вздохнул.

На следующий день Чэн Муюнь собрал вещи и вместе с Цинь Ли вернулся в город Б. По дороге Ли спросил, по-прежнему ли он настаивает на увольнении.

Муюнь немного подумал и кивнул.

Сейчас ему было необходимо постепенно дистанцироваться от Цинь Ли, чтобы вернуть сюжет в привычную колею и добить злосчастный один процент.

На «ключевые повороты сюжета» юноша больше не возлагал особых надежд. Каждый раз, когда должно было произойти что-то важное, история с пугающим упорством сворачивала в какую-то невообразимую бездну.

Пытаться обуздать этот несущийся в пропасть сюжет было выше его сил. Проще было безупречно отыгрывать роль, а остальное предоставить случаю.

«Буду плыть по течению, — решил он. — В конце концов, остался всего один процент. Может, он заполнится сам собой, если я просто буду идеальной "запаской"»

«Система, как тебе такой план?»

«Учитывая, что вы с Цинь Ли снова вместе, сюжет уже улетел в заоблачные дали, — проворчала Система. — Делай что хочешь, я умываю руки»

Муюнь уловил в её голосе нотки искреннего отчаяния и поспешил утешить:

«Ну что ты, не стоит так унывать. История движется по спирали: временное отступление нужно лишь для того, чтобы потом совершить мощный рывок вперёд»

«Говори на человеческом»

«Я согласился на примирение только ради образа, — пояснил Муюнь. — Вспомни сценарий: после разрыва "Чэн Муюнь" должен был проявить фанатичную преданность и буквально преследовать Цинь Ли. Опыт показывает, что выдержанный характер персонажа важнее, чем формальные точки сюжета. Каждый раз, когда я отступал от канвы, но сохранял образ, шкала двигалась вперёд»

Система ненадолго замолкла, пытаясь сопоставить это с логикой своего кода, но не нашла изъяснов.

«...Допустим. И что ты намерен делать дальше?»

«Вернусь к истокам: стану "золотой клеткой", чья жизнь целиком и полностью зависит от Цинь Ли»

«А Цинь Ли это не покажется странным?»

«В том-то и фокус. Я хочу, чтобы ему стало неуютно. Сейчас им движет уязвлённое самолюбие после обмана — обычная человеческая слабость: то, что ускользает из рук, кажется самым ценным. Что ж, пусть он получит меня сполна»

В город А они прибыли к полудню. Цинь Ли, как ни в чём не бывало, взял Муюня с собой в офис.

Пока президент был на совещании, Чэн Муюнь занялся оформлением документов. Несмотря на их запутанные отношения, формальности нужно было соблюсти.

Заполнив заявление об увольнении и поставив подпись, юноша направился в отдел кадров. Стоило ему выйти из дверей архива, как в коридоре он столкнулся с Юй Шаонином.

Тот замер, увидев ассистента.

— Ассистент Чэн? Вы вернулись?

Муюнь лаконично кивнул:

— Да.

Директор Юй, похоже, куда-то спешил, и Муюнь не собирался его задерживать, но в этот момент из отдела кадров выбежала Сусань.

— Ассистент Чэн, вы пропустили одну подпись.

Муюнь обернулся, быстро расписался там, где указала девушка, и уже хотел уйти, но Юй Шаонин внезапно схватил его за руку.

— Ты увольняешься? — его голос дрогнул. — Почему? Из-за того фото? Но ведь Ли сказал, что всё уладил...

Вопросы посыпались градом. Чэн Муюнь вздохнул — устраивать сцены в коридоре было не лучшей идеей.

— Пойдём, — бросил он. — Поговорим в спокойном месте.

Они устроились в пустующей зоне для переговоров. Юй Шаонин выглядел крайне подавленным.

— Ассистент Чэн, это всё из-за снимка? Я...

Он замялся, не зная, как подобрать слова.

В ту ночь, после стычки с Цинь Ли на баскетбольной площадке, Юй Шаонин вернулся домой и устроил Сун Цзинчэню настоящий допрос. Он и представить не мог, что Цзинчэнь стал таким расчетливым и хладнокровным.

После громкой ссоры Сун Цзинчэнь съехал, и их отношения рухнули в бездну, граничащую с полным разрывом.

Но если к Цзинчэню директор Юй испытывал ярость, то перед Муюнем его сжигало чувство вины. Молодой человек не спал две ночи, прокручивая в голове варианты извинений. Он даже едва не купил билет в город Б, чтобы найти его, но узнав, что туда отправился сам Цинь Ли, поостыл. Он знал о чувствах ассистента к президенту, и раз Цинь Ли решил всё исправить, Шаонину там места не было.

И вот теперь человек, о котором он столько думал, сидел прямо перед ним, а слова застревали в горле.

Видя его замешательство, Муюнь заговорил первым:

— Слышал, тебя повысили?

Он видел мельком в корпоративном чате, что Юй Шаонин получил новую должность, хотя официального приказа ещё не было.

— Да, — кивнул собеседник. — Цинь Ли назначил меня генеральным директором филиала. Сказал, что мне не стоит засиживаться на одном месте и пора набираться опыта.

— Куда именно тебя направляют?

Муюнь полагал, что речь идёт о какой-нибудь дочерней компании в городе А, где Юй Шаонин

сможет вникнуть во все бизнес-процессы перед возвращением в холдинг.

— На северо-запад.

Муюнь замер.

— На северо-запад? Но я помню, что создание того филиала ещё только в планах...

— Вот именно. Цинь Ли сказал, что там нужны таланты для формирования структуры с нуля. Хочет, чтобы я прошёл через это испытание.

Наивный Шаонин был искренне тронут: он считал, что президент поступает как настоящий друг, не затаив обиды за ту нелепую попытку их рассорить.

Но Чэн Муюнь похолодел. Внутри него поднялась волна тревоги.

Кадровые перестановки его не касались, но ситуация явно выходила из-под контроля.

Юй Шаонин покидает сцену раньше самого Чэн Муюня?

Это в корне противоречило сценарию. По сюжету, после исчезновения «заменителя» именно Юй Шаонин должен был стать главным катализатором сближения Цинь Ли и Сун Цзинчэня.

Муюнь нахмурился, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

«Система, что там с прогрессом?»

«Девяносто восемь процентов...»

«Так я и знал! Чёрт возьми, что за муха укусила Цинь Ли? С чего вдруг он сослал Юй Шаонина в такую глушь!»

Заметив, что Муюнь замолчал, собеседник вдруг резко встал и отвесил глубокий, официальный поклон.

— Чэн Муюнь, прости меня за всё! Мне правда очень жаль!

Юноша, погружённый в мысли о шкале прогресса, от неожиданности едва не подскочил. Место было тихим, но в любой момент мог пройти кто-то из сотрудников. Он поспешно поднялся и коснулся локтя директора Юя, заставляя его выпрямиться.

— Что ты делаешь? Мы в офисе.

Лицо Юй Шаонина залило густой краской — он и сам понял, что сглупил. Но извиниться было необходимо.

Он снова сел и заговорил тише:

— Прости, ассистент Чэн. Та фотография... это была моя чудовищная ошибка.

Муюнь посмотрел ему прямо в глаза:

— Это ты отправил её Цинь Ли?

— Нет, это... — Шаонин запнулся. — Это... всё равно я виноват.

Даже после разрыва с Сун Цзинчэнем он считал первопричиной себя. Перекидывать вину на другого казалось ему малодушным.

Но Муюнь вдруг холодно усмехнулся.

— Я знаю, что это не ты. Это был Сун Цзинчэнь, верно?

Он опустил взгляд, разглядывая свои пальцы.

Гнетущая тишина заставила директора Юя занервничать:

— Чэн...

— Я передумал, — голос Чэн Муюня слегка дрогнул. — Если он способен на такую низость, почему я должен отступать? Мы с Цинь Ли помирились. Будь добр, передай это господину Суну...

— Ассистент Чэн, что с тобой? — Юй Шаонин перепугался, не зная, как его успокоить. Он невольно потянулся, чтобы коснуться плеча собеседника.

— О чём беседа? — раздался ледяной голос.

Оба обернулись. Неподалеку стоял Цинь Ли.

— Ой... — Муюнь изобразил испуг и поспешно опустил глаза.

Повисла неловкая пауза.

«Система, я сейчас наговорил Юй Шаонину гадостей про Сун Цзинчэня. Это не разрушит образ?»

«Ты меня иногда поражаешь, — отозвалась Система. — Какова наша цель?»

«Исправить... исправить сюжет?»

«Рада, что ты помнишь. А я-то думала, ты всерьёз собрался строить любовь с Цинь Ли, — съязвила она. — Твоя цель — расставание. Зачем тебе его симпатия? Чем более двуличным и коварным ты будешь выглядеть в его глазах, тем лучше для финала»

Лицо Цинь Ли не выражало ровным счетом ничего. Он подошел и властно взял Муюня под руку.

— Пойдём. Рабочий день закончен.

Он коротко кивнул Юй Шаонину и увёл ассистента за собой.

Тот сделал пару шагов вслед за ними, но остановился. Глядя на их удаляющиеся спины, директор Юй вдруг поник и медленно побрёл в другую сторону.

Весь вечер Муюнь не мог выкинуть из головы новость об отъезде Юй Шаонина.

Эта ссылка на северо-запад спутала ему все карты. Чэн Муюнь понял, что пассивная тактика больше не работает — нужны радикальные меры.

Например, заставить Сун Цзинчэня вернуть долг.

Он перестал понимать Цинь Ли. Тот ускользал от контроля, и это выводило Муюня из равновесия. Но хуже всего было то, что шкала прогресса откатилась на один процент.

Всего один, но это был ясный сигнал: отъезд директора Юя — аномалия, которой быть не должно.

— Что не так? — внезапно спросил Цинь Ли за ужином. — Тебя так расстроил перевод Юй Шаонина?

Муюнь вскинул голову и наткнулся на взгляд Цинь Ли, в котором застыл тонкий слой льда.

— Его перевод меня не касается. Меня расстроило то, что он мне рассказал.

— И что же он тебе поведал?

Муюню показалось, что президент прикидывается дураком. Холл был пустым и гулким, он не верил, что Цинь Ли не слышал ни слова.

Впрочем, для юноши это был хороший знак. Значит, Ли всё еще защищает свой «белый лунный свет», а их примирение — лишь вспышка ревности.

Следовательно, нужно просто подтолкнуть Цинь Ли к осознанию истинных чувств.

— Юй Шаонин сказал, что то фото тебе показал Сун Цзинчэнь, — отчеканил Муюнь.

Цинь Ли на мгновение замер.

— Это так, — ответил он спустя паузу.

Чэн Муюнь отложил палочки, его тон стал вызывающим:

— Зачем ему это понадобилось? Не думаю, что настоящий друг станет заниматься подобными вещами.

Ли молча смотрел на него.

— Он сделал это по доброте душевной или... у него на тебя свои виды?

Муюнь бросил эту фразу, затаив дыхание.

«Давай, разозлись! Я только что оскорбил твой идеал, защищай его!»

Цинь Ли нахмурился, но его ответ был совершенно неожиданным:

— А то, что Юй Шаонин скрывал от меня это фото... значит ли это, что у него на тебя свои

виды?

Муюнь опешил.

«Что? При чём тут Шаонин? Он уезжает на край света, оставь человека в покое! И вообще, с чего ты взял, что я ему интересен?»

«Решил побить меня моим же оружием?» — возмутился он про себя, но вслух произнёс с искренним недоумением:

— Юй Шаонин? Это невозможно. Разве он не влюблён в Сун Цзинчэня?

Услышав это, Цинь Ли незаметно расслабил кулак под столом.

— Да. Он всегда любил Цзинчэня. Я просто... сорвалось с языка.

Чэн Муюню было плевать на чувства Шаонина. Он решил, что президент просто пытается уйти от темы, и продолжил атаку:

— Цинь Ли, ты действительно его отпустил?

Тот кивнул.

Муюнь нервно сцепил пальцы, словно не решаясь на следующий шаг.

— Говори, я слушаю, — голос Цинь Ли был на удивление мягким.

— Если мы хотим оставить прошлое и начать всё сначала... не стоит ли нам... окончательно со всем покончить?

В душе Цинь Ли вспыхнула робкая радость, но лицо осталось бесстрастным.

— И что ты предлагаешь?

— Когда Сун Цзинчэнь вернёт те три миллиона, что ты ему одолжил?

Президент замер. Похоже, он не ожидал такого поворота. Три миллиона для него были мелочью, и, давая их Цзинчэню, он не устанавливал никаких сроков.

Но теперь эта ситуация выглядела двусмысленно.

Он обдумал слова Муюня и намеренно произнёс:

— Ты хочешь, чтобы он вернул деньги прямо сейчас? После банкротства его семьи он стеснён в средствах. Вряд ли он сможет быстро собрать такую сумму.

Реакция Цинь Ли убедила Муюня, что он на верном пути.

— Пусть возвращает не сразу. Но нельзя же давать в долг бесконечно. Пусть напишет расписку и выплачивает проценты по рыночной ставке. В конце концов, вы ведь просто старые знакомые, верно?

Он намеренно выделил слово «знакомые», ожидая вспышки гнева.

Но Цинь Ли лишь усмехнулся.

— В таких делах всё должно быть взаимно, не так ли?

— Взаимно?

Ли не стал пояснять. Он коснулся мочки уха ассистента, слегка сжав её пальцами, и встал.

— Мне нужно уйти. Не жди меня вечером.

Чэн Муюнь смотрел, как за ним закрывается дверь. Когда шаги затихли, он подошел к окну. Солнце уже скрылось за горизонтом, город погружался в сумерки.

«Куда он пошёл?» — спросила Система.

«Наверное, вытрясать долг, — предположил Муюнь. — Давай, Цзинчэнь, покажи класс! Включи своё очарование "белого лунного света", удержи его. Воспоминания, слезы, вино — используй всё!»

«...»

В томительном ожидании прошло два часа. Наконец на телефон пришло уведомление.

Это было письмо от юриста Чжана из юридической фирмы, сотрудничающей с холдингом.

[Ассистент Чэн, добрый вечер. Сегодня мы с господином Цинем обсуждали вопрос взыскания задолженности. Вот детали...]

Муюнь опешил.

«Что за чертовщина? Цинь Ли, ты серьезно? Припёрся к своему "белому лунному свету" с адвокатом?!»

Пока он переваривал эту новость, Система подала голос, и её звук дрожал:

«Шкала... она снова откатилась. Ещё на один процент»

Муюнь замер, охваченный ступором. Он так и сидел в темноте гостиной, пока не услышал звук открываемого замка.

Цинь Ли вошёл в дом. В гостиной было темно. Когда он уходил, комнату заливал мягкий оранжевый свет заката. Сейчас здесь царил лишь холодный серебристый лунный свет, подчёркивающий одиночество.

Ли подошёл к Муюню и молча обнял его.

Чэн Муюнь не проронил ни слова. Он просто обхватил плечи президента и, закрыв глаза, поцеловал его.

Слова были лишними. В тишине был слышен лишь шорох одежды и щелчок расстёгиваемого ремня.

Рука потянулась к пульту на журнальном столике. Шторы в гостиной плотно сомкнулись, скрывая от мира всё, что происходило внутри.

На следующее утро Муюнь проснулся рано.

Он осторожно убрал тяжелую руку со своей талии и встал. Босые ноги коснулись пола, и лицо его на мгновение исказилось от боли в пояснице. Он тихо выругался, глядя на безмятежно спящего Цинь Ли.

— Животное.

Он даже не стал укрывать Цинь Ли одеялом, оставив его атлетичное тело открытым

прохладному утреннему воздуху.

Умывшись, Муюнь зашел в гардеробную. По привычке, выработанной годами, он принялся подбирать одежду для Цинь Ли.

«Система, ты как?»

«Наконец-то ты соизволил меня выпустить»

«Ну-ну. Что там со шкалой?»

Система буквально вскипела:

«Ты ещё смеешь спрашивать?! После того, что вы вытворили вчера?!»

«Я просто проверял теорию: прибавится ли прогресс, если переспать с ним»

«...»

Вместо ответа она вывела шкалу перед его глазами.

По-прежнему девяносто семь процентов.

Рука Муюня, тянувшаяся к ящику, замерла. Он коротко усмехнулся.

«Понятно. Секс на прогресс не влияет»

Досадно. Он всё ещё не до конца понимал алгоритм работы этой системы. Если судить по отклонениям от сюжета, то сейчас, когда Юй Шаонин на пути к северным границам, а Цинь Ли требует долги с Сун Цзинчэня через суд, всё должно было рухнуть. Но шкала потеряла всего два процента.

— Почему так рано встал?

Тёплое тело прижалось к его спине. Муюнь обернулся.

— Собираю тебе вещи в офис.

Стоило ему это произнести, как шкала потеряла ещё один процент.

«...»

«Вали вниз. Можешь хоть в минус уйти, мне уже плевать»

Но вслух Чэн Муюнь произнес с нежностью:

— Что-то не так? Тебе не нравится мой выбор?

В его голосе проскользнули едва заметные стальные нотки.

Цинь Ли, не заметив подвоха, уткнулся лицом в его шею.

— Я же сказал: услуга за услугу. Вчера я оборвал все нити, связывающие меня с прошлым. Твоя очередь.

Муюнь замер.

— Ты хочешь сказать, что эти вещи...

С этим он смириться не мог. Вкус Цинь Ли в одежде был просто катастрофическим. Муюнь искренне считал, что его подбор гардероба — это единственное, что делает образ президента безупречным. Если у него отберут даже эту маленькую радость, он потребует вернуть его в мир наказаний.

Но Цинь Ли, словно прочитав его мысли, тихо рассмеялся. Его горячее дыхание и хрипловатый голос заставили кончики ушей Муюня вспыхнуть.

— Одежда — это всего лишь внешнее. Если тебе нравится — я буду носить то, что ты выберешь.

Президент выпрямился, взял Чэн Муюня за плечи и слегка развернул к себе. Расстояние между ними сократилось до предела. Воздух в гардеробной стал тяжелым, давящим. И это не было предчувствием близости — скорее, это был... страх.

Муюнь заглянул в глаза Цинь Ли. В их глубине бурлил коктейль эмоций, которые он не мог разгадать: на поверхности — штиль, но под ним — первобытная, сокрушительная страсть.

— Чего ты хочешь? — Муюнь не выдержал этого давления и отвел взгляд.

— Я хочу увидеть то фото. Оригинал.

Ассистент вздрогнул. Он опустил глаза, храня молчание. Цинь Ли не торопил его. Спустя долгое время Чэн Муюнь тяжело вздохнул.

— Хорошо.

Он подошел к дальнему углу гардеробной и выдвинул скрытую панель. Цинь Ли редко заходил сюда, а интерьером занимался исключительно Муюнь, так что президент и не подозревал о существовании тайника.

Там лежало лишь одно фото.

Помедлив, Муюнь достал его и протянул президенту. Цинь Ли взял снимок. По тому, как вздулись вены на его руках, было ясно — он всё еще на пределе.

Он закрыл глаза, сделал резкий вдох, пытаясь подавить гнев, и вернул фото ассистенту.

— Твой черёд.

«...»

В этот момент Муюню до смерти захотелось закричать: «Прости, но я всё ещё люблю его!»

Но недавний откат шкалы охладил его пыл. Сюжет и так дышал на ладан, образ рушить было нельзя.

Чэн Муюнь взял фотографию и на глазах у Цинь Ли разорвал её на мелкие клочки. Так же легко и решительно, как когда-то он уничтожил письма президента к Сун Цзинчэню.

Когда обрывки посыпались в корзину, лицо Цинь Ли наконец расслабилось. А Муюнь услышал заветный сигнал Системы.

«Шкала — девяносто девять процентов»

Отлично. Значит, ключом всё-таки был образ персонажа. К Муюню вернулась уверенность в успехе.

Их жизнь, казалось, вошла в привычную колею, как до возвращения Сун Цзинчэня. Разве что теперь Муюнь больше не был правой рукой Цинь Ли в делах компании.

Так продолжалось до одного утра. Спустя два часа после того, как Цинь Ли уехал в офис, рабочий чат компании буквально взорвался.

— Вы видели?!

— Это того парня в наручниках увезли? Я только с парковки поднялся, там мигалки везде. Что стряслось?

— Я видела! Какой-то псих караулил на парковке. Как только президент Ли вышел из машины, тот бросился на него с ножом! Но господин Цинь его просто уложил на месте... Боже, я и не знала, что наш босс так крут — одной рукой его в асфальт впечатал...

Муюнь не стал дочитывать. Он вскочил с дивана, на ходу набрасывая куртку.

«Сценарий не сдаётся!»

История всё ещё пыталась выжить. Появление этого человека было верным признаком приближения финала — той самой сцены с похищением.

Суть была проста: конкурент, одержимый ненавистью к Цинь Ли, решил пойти на крайние меры. В оригинале он пытался убить президента, но был схвачен. Однако у этого неудачника был любовник — совершенно безумный тип. Чтобы отомстить за своего покровителя, он похищал двух самых важных людей в жизни президента: Сун Цзинчэня и «Чэн Муюня». Эта сцена и была развязкой.

Муюнь, окрылённый надеждой, вышел из дома. Он решил провести эти дни, гуляя по городу. В этом элитном жилом комплексе охрана была слишком серьёзной — ни один мститель не проберётся сюда, даже если будет кружить вокруг целый год.

«А вдруг, — подала голос Система, — в момент похищения Цинь Ли выберет тебя, а не Сун Цзинчэня?»

Муюнь не был дураком. Сюжет трещал по швам: Цинь Ли уже таскал Сун Цзинчэня по судам за долги. Выбор президента в пользу «белого лунного света» теперь казался чем-то из области фантастики.

«Кто он выберет — неважно, — отмахнулся Муюнь. — Главное, чтобы событие состоялось. Ты забыла? Если я выдержу характер персонажа, прогресс засчитают, даже если детали изменятся. Остался всего один процент. Не верю, что такое масштабное событие его не закроет. Если не качеством, так возьмём количеством»

«Твоя правда, — согласилась Система. — Удачи!»